

Научная статья

УДК 882

DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-75-93

**Модальные частицы и междометия в произведениях
художественной прозы Ф. М. Достоевского:
лексикографическое представление**

Игорь Васильевич Ружицкий

Институт русского языка имени В. В. Виноградова
Российской академии наук
Москва, Россия

konntie@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1097-4998>

Аннотация

Рассматривается возможность создания «Словаря модальных частиц и междометий Достоевского». На частое и своеобразное использование дискурсивных слов в текстах Достоевского, прежде всего в произведениях художественной прозы, нельзя не обратить внимания, это, вне всякого сомнения, одна из особенностей авторского идиостиля. В работе освещаются следующие вопросы: интенции широкого употребления модальных частиц и междометий в произведениях художественной прозы писателя; их функции – контактообразующая, регулятивная, аргументационная, создания определенного эмоционального фона, раскрытия художественного образа и др., связь с рефлексией и пресуппозицией; проблема формирования словника «Словаря модальных частиц и междометий Достоевского»; система лексикографических параметров, лежащих в основе такого словаря. В качестве лексикографического материала даются примеры различных рубрик словарных статей *ба, -ка, гм, -с, ах, ведь* и др.

Ключевые слова

язык Достоевского, идиоглоссарий, словарь дискурсивных слов, параметры словарной статьи, модальные частицы, междометия

© Ружицкий И. В., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 75–93

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 75–93

Для цитирования

Ружицкий И. В. Модальные частицы и междометия в произведениях художественной прозы Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 75–93. DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-75-93

Modal Particles and Interjections in Fyodor M. Dostoevsky’s Works of Fiction: Lexicographic Representation

Igor V. Ruzhitsky

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

konnitie@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1097-4998>

Abstract

The article discusses the possibility of creating the “Dictionary of modal particles and interjections of Dostoevsky”. It is impossible not to pay attention to the frequent and peculiar use of discursive words in Dostoevsky’s texts, primarily in the works of fiction, this is, beyond any doubt, one of the features of the author’s idiosyncrasy. The article covers the following issues: the intentions of the widespread use of discursive units in the works of the writer’s fiction; the functions of modal particles and interjections – contact-forming, regulatory, reasoning function, creation of a certain emotional background, revelation of artistic image, etc., the connection of their functioning with reflection and presupposition; the problem of forming the word list of the “Dictionary of modal particles and interjections of Dostoevsky”; the system of the lexicographic parameters underlying such a dictionary and others. As lexicographic material, examples of various sections of dictionary entries *ba*, *-ka*, *hm*, *-c*, *ah*, *ved’* are given.

Keywords

Dostoevsky’s language, idiosyncrasy, dictionary of discursive words, dictionary entry parameters, modal particles, interjections

For citation

Ruzhitsky I. V. Modal Particles and Interjections in Fyodor M. Dostoevsky’s Works of Fiction: Lexicographic Representation. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 75–93. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-75-93

Предварительные замечания

1. Модальные частицы и междометия, наряду с вводными и модальными словами и словосочетаниями, союзами и т. п., относятся к так называемым дискурсивным словам. Под ними обычно понимают не имеющие денотата лексические единицы, функции которых могут заключаться в обеспечении связанности текста; в регулировании процесса диалогического взаимодействия говорящего и слушающего или автора и читателя (регулятивная функция); в отражении рефлексивных процессов во внутреннем монологе, в передаче внутренней звукоречи или для изображения каких-то глубинных процессов, происходящих в человеческом сознании, включая пограничные ситуации или измененное, патологическое состояние; в создании нужного эмоционального фона; в ритмической организации текста. Модальные частицы и междометия могут употребляться с целью интимизации общения, установления контакта с собеседником (контактообразующая функция); для ввода аргумента, объяснения чего-либо; с целью раскрытия художественного образа, отражения особенностей языковой личности персонажа; для усиления, акцентирования и др. Использование дискурсивных единиц нередко отражает «недостаток нужных слов» у персонажа [Виноградов, 1976, с. 130], они заполняют паузы обдумывания, колебания, нерешительности.

Полифункциональность модальных частиц и междометий влечет за собой сложность или даже невозможность их четкой классификации и, соответственно, множество трудностей при лексикографической интерпретации. И дело не столько в различной трактовке значений в толковых словарях (это касается и знаменательных лексем) и в словарях служебных слов, сколько в частом неразделении функций, в неполном пояснении условий, языковых и внеязыковых, и возможных интенций употребления описываемого слова.

Так, дефиниции междометия *ба*, являющегося довольно ярким идиостилевым маркером Достоевского, в толковых словарях приблизительно совпадают, в них обязательно фиксируется сема 'удивление' ('изумление'), иногда с распространителями «при неожиданности» (но удивление – всегда «при неожиданности»), «при встрече», «при воспоминании о чем-либо» или «от внезапно пришедшей мысли». Могут также выделяться такие дифференциальные признаки, как 'догадка', 'узнавание'. Полагаем, что наиболее корректная интерпретация междометия *ба* дается в «Словаре языка Пушкина», если рассматривать толковый словарь как герменевтиче-

ский инструмент, способствующий адекватному пониманию и правильному использованию слова в речи: ‘возглас удивления, восклицания при внезапно пришедшей мысли, догадке’ <...> || *С повторением*: – **Ба, ба, ба**, Петр Андреич! Какими судьбами? (Капитанская дочка); – **Ба, ба, ба, ба!** – сказал старик. – Теперь понимаю: ты, видно, в Марью Ивановну влюблен (Капитанская дочка) (СЯП, 1956, с. 56).

Междометие *ба*, несомненно, выражает различные степени удивления, это и зафиксировано во всех толковых словарях, однако констатация лишь данного факта вряд ли является достаточной. Сомнительно, что в общеизвестной фразе, на которую ссылаются практически все интерпретаторы междометия *ба*, – **Ба! знакомые всё лица!** – можно говорить только об удивлении и даже об узнавании. Без учета статусного фактора, т. е. одной из составляющих пресуппозиции, объяснить использование *ба* здесь и в аналогичных случаях представляется затруднительным. Интересно, что в текстах Достоевского мы встречаем *ба* только в произведениях художественной прозы, начиная со второго периода творчества писателя, т. е. написанных после каторги, первое употребление – в романе «Униженные и оскорбленные» (с. 358)¹, во фразе князя Валковского, обращенной к Ивану Петровичу: – *Ха-ха-ха! Ба! Да вы чуть ли не бить меня собираетесь?* Произведения первого периода творчества Достоевского («Бедные люди», «Двойник» и др.) основаны преимущественно на стилизации речи бедных чиновников, в их речи *ба* в силу возможного нарушения статусного фактора отсутствует.

Кроме того, если пунктуационное оформление междометия *ба* в толковых словарях, за исключением БАС и СЯП, не допускает никакой вариативности – во всех приводимых в качестве иллюстраций примерах после него стоит восклицательный знак, то для Достоевского, который, как известно, обращал на используемые знаки препинания очень большое внимание и редко допускал какую-либо их правку, пунктуация является принципиально важной, ср.:

– **Ба!** Да и в самом деле! – закричал удивившийся Кох (ПН 68)²;

¹ Здесь и далее цитаты из произведений Достоевского и нумерация страниц даются по: (Достоевский, 1972–1990).

² При иллюстрации рубрик словарной статьи используются следующие сокращения: БЛ – «Бедные люди», Дв – «Двойник», ГП – «Господин Прохарчин», Хз – «Хозяйка», Пл – «Ползунков», Ср – «Слабое сердце», ЧЖ – «Чужая жена и муж под кроватью», ЧВ – «Честный вор», БН – «Белые ночи», НН – «Неточка Незванова», МГ –

[Раскольников] **Ба!** Так, стало быть, и в кармане тоже должна быть кровь, потому что я еще мокрый кошелек тогда в карман сунул! (ПН 72);

Ба, Заметов!.. контора!.. А зачем меня в контору зовут? Где повестка?
Ба!.. я смешал: это тогда требовали! <...> (ПН 99).

После **ба** в текстах Достоевского мы чаще всего видим восклицательный знак, но также запятую и многоточие вместе с восклицательным знаком, что, безусловно, важно, поскольку знак препинания «подсказывает» интонацию, звучание междометия **ба** и связанной с ним фразы и, соответственно, выражаемую эмоцию. Кроме того, мы встречаем различного рода дубликации **ба**, вовсе не однозначные для понимания (из всех толковых словарей только в БАС за светлым ромбом даются вариации «**Ба-ба-ба!** и **Ба! ба! ба!** Усилительно» (БАС, 1991, с. 281)), которые тоже могут быть по-разному графически оформлены:

[Илья Петрович Раскольникову] **Ба, ба, ба...** Да вы нам, стало быть, можете о нем [Свидригайлове] сообщить (ПН 409);

– **Ба, ба!** что я вижу! – вскричал Nicolas [Ставрогин], вдруг заметив на самом видном месте, на столе, том Консидерана <...> (Бс 44).

Вряд ли можно сказать, что в этих контекстах выражено удивление или усиление удивления, как часто интерпретируются такие повторы, скорее в данном случае функция та же, что у *Так, так, так...* и *Так, так!*, т. е. вывод, констатация какого-либо факта.

Полагаем также чрезвычайно важным учет того, в речи какого типа используются модальные частицы и междометия – в диалоге, монологе или внутреннем монологе, что показывают приведенные выше примеры употребления **ба**. Во внутреннем монологе, например, всегда происходит «узнавание», т. е. **ба** выполняет рефлексивную функцию, как и междометие **эм** (помимо своей основной функции – выражения сомнения), и частицы *ведь, же, вот, нет, так* и др. (см. [Ружицкий, 2024]).

Из сказанного следует заключить, что, давая словарное описание модальных частиц и междометий, надо опираться на пресуппозицию, «физический контекст», в котором используются эти дискурсивные единицы русской речи, а также на возможность выполнения ими рефлексивной

«Маленький герой», ДС – «Дядюшкин сон», СС – «Село Степанчиково и его обитатели», УО – «Униженные и оскорбленные», Кр – «Крокодил», СА – «Скверный анекдот», Иг – «Игрок», ПН – «Преступление и наказание», Ид – «Идиот», ВМ – «Вечный муж», Бс – «Бесы», Тх – глава романа «Бесы» «У Тихона», Пд – «Подросток», БрК – «Братья Карамазовы», т. 1, Кт – «Кроткая».

функции, особенно при конструировании словаря языка писателя, поскольку в данном случае на их значение могут накладываться еще и авторские субъективные смыслы, что, в свою очередь, зависит от жанра, типа текста, характера создаваемого образа персонажа и других факторов. Необходимо учитывать связь описываемой единицы со словами, с которыми она контактирует в тексте, внося определенные оттенки смысла; с интонацией, долготой гласных звуков, с позицией, занимаемой в высказывании. Кроме того, дискурсивные слова могут объединяться в различные комбинации с другими как дискурсивными, так и полнозначными лексемами.

2. Необходимость словарного представления дискурсивных слов, употребляемых в текстах Достоевского, не только в произведениях художественной прозы, но также в публицистике и в личных письмах, обусловлена в основном тем, что их частое употребление (а также слов с суффиксами субъективной оценки, синтаксических фразеологизмов, прагмем других типов) во многом отражает особенность авторского идиостиля и – шире – языковой личности писателя, в первую очередь прагматического (мотивационного, интенционального) уровня ее структуры. Это было замечено уже современниками Достоевского, правда, представлялось чаще всего в критическом, негативном свете. Так, широко известна пародия К. С. Аксакова на повесть «Двойник» («Три критические статьи г-на Имрек»), где автор подражает стилистической манере Достоевского использовать повторы различного типа, прежде всего частицы *-то*, в одном относительно узком контексте. Такого рода повторов у писателя действительно много, например, если говорить о частице *-то*:

[Девушкин] И еще скажу, маточка: чуден иногда человек, очень чуден. И, святые вы мои! о чем заговорит, занесет подчас! А что выходит-**то**, что следует-**то** из этого? <...> И в должность-**то** я пошел сегодня таким гоголем-щеголем; сияние такое было на сердце. На душе ни с того ни с сего такой праздник был; весело было! За бумаги принялся рачительно – да что вышло-**то** потом из этого! <...> Домой-**то** я не пришел, а припелся; ни с того ни с сего голова у меня разболелась; уж это, знать, всё одно к одному. (В спину, что ли, надуло мне.) Я весне-**то** обрадовался, дурак дураком, да в холодной шинели пошел. И в чувствах-**то** вы моих ошиблись, родная моя! Излияние-**то** их совершенно в другую сторону приняли (БЛ 19).

Сложно также не заметить в примере из «Бедных людей» повторяемость не только частицы *-то*, но и вообще сочетаний звуков [тó] и [ть] (*маточка, это, этого, что, потом, сторону* и др.). Аналогичный прием можно наблюдать и в «Двойнике», и в других, преимущественно ранних

произведениях Достоевского, так что с мнением В. В. Виноградова о том, что писатель «...мало пользуется средствами звуковой игры», согласимся лишь частично [Виноградов, 1976, с. 118].

Частица **-то**, наравне с *-либо*, *-нибудь*, *-кое*, *будто*, *как будто*, *бы*, *как бы*, *некто*, *нечто*, *некоторый*, *несколько* и т. п., служит в основном одним из способов создания неопределенности – ключевого семантического поля в тезаурусе Достоевского, однако в приведенных выше примерах интенции ее употребления иные: ритмизация речи, акцентирование какого-то слова, передача возбужденного, взволнованного состояния персонажа и, конечно, имитативная функция. Посредством использования таких повторов создается иллюзия разговорности, произносимой речи, о чем пишет Е. А. Иванчикова: «Иллюзия разговорности высказываний героя создается прежде всего такими лежащими “на поверхности” приметами разговорной речи, как частицы, синтаксически вмещаемые в разные участки текста <...> а также местоименные образования разговорного характера и междометия...» [Иванчикова, 1979, с. 71].

Нельзя не подчеркнуть и тот факт, что Достоевский часто прислушивался к критике и в переизданиях своих ранних произведений исключал многие повторы – модальных частиц, междометий, слов с суффиксами субъективной оценки и др. Так, В. С. Нечаева пишет: «...переиздавая в 1847 г. и позднее текст “Бедных людей”, Достоевский десятками снимал уменьшительные формы, но об общем количестве их дает представление следующий факт: в одном последнем письме Макара Девушкина их осталось в тексте сорок!» [Нечаева, 1979, с. 151] И далее: «Кроме уменьшительных и ласкательных выражений, Достоевский при отдельном издании выбросил ряд повторений, идущих вслед за обращениями, а также многочисленные частицы *-то*, *дескать* и др., которые придавали его эпистолярный стиль просторечия и были неуместны в письменной форме» [Там же].

Ф. Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки» писал: «На процесс своего поэтического творчества пролил свет Шиллер в одном ему самому необъяснимом, но, по-видимому, не вызывающем у него никаких сомнений психологическом наблюдении: он признается именно, что в подготовительном акту поэтического творчества состоянии не имел в себе и перед собою чего-либо похожего на ряд картин со стройной причинной связью мыслей, но скорее некоторое *музыкальное настроение*: “Ощущение у меня вначале является без определенного и ясного предмета; таковой образуется лишь впоследствии. Некоторый музыкальный строй души предваряет всё, и лишь за ним следует у меня поэтическая идея”» [Ницше, 1990, т. 1,

с. 72] (Ницше здесь цитирует отрывок из письма Шиллера Гёте от 18 марта 1796 г.). Отметим попутно, что идейная близость Достоевского с Шиллером и Ницше широко известна и часто обсуждается в достоевистике.

Е. А. Иванчикова, цитируя А. В. Чичерина («Идеи и стиль»), указывает на следующее: «Характерной чертой языка романов Достоевского является <...> повторение слов, наделенных “особой ударностью, смысловой и интонационной”» [Иванчикова, 1979, с. 18]. И далее: «“Своеобразие интонации в языке романов Достоевского – в ее философской многозначительности, в прямой связи с идеей романа”» [Там же]. Вывод о том, что ритм и мелодика прозаического текста «самым непосредственным образом связаны со смыслом того, что изображается писателем» [Там же, с. 28], особенно если этот писатель – Достоевский, не подлежит никакому сомнению. Можно с большой долей уверенности предположить, что пристрастие Достоевского к использованию частиц и междометий, а также прагмем других типов обусловлено не только стремлением к стилизации речи, которая, конечно, присутствует, но и, по крайней мере в произведениях художественной прозы первого и второго периодов творчества писателя, приблизительно до 1866 г., особой ролью музыкальной интонации и ритма в создании текста. Достоевский сначала слышал мелодию и ритм, а уже потом на музыку ложились слова. Чаще всего это «музыкальное настроение» связано с восторженностью, с эмоциональной возбужденностью, взволнованностью, отсюда и некоторая торопливость речи многих персонажей. Текст у Достоевского подчиняется музыке, а в языковой реализации такого «музыкального настроения» важнейшее место занимают частицы и междометия, передающие, кроме того, возможное патологическое, раздвоенное состояние персонажа. «Голядкинская “звукоречь” – аккомпанемент движений марионетки» [Виноградов, 1976, с. 135].

Соотнесенность звукоречи Достоевского с использованием частиц и междометий должна найти отражение и в их словарном описании, прежде всего в тщательном отборе иллюстраций, примеров употребления.

3. В исследовании мы опирались на работы А. Н. Васильевой, А. Н. Баранова, М. Г. Безяевой, Г. И. Володиной, К. Л. Киселевой, Д. Пайара, В. А. Плунгяна, И. А. Шаронова и др., посвященные изучению функционирования модальных частиц и междометий в общелитературном языке, а также на многочисленные словарные источники. В научной литературе на важность дискурсивных слов в текстах Достоевского уже неоднократно, хотя и не сказать, чтобы очень часто, обращалось внимание. В настоящей статье развиваются некоторые идеи относительно возможностей лексико-

графического представления модальных частиц и междометий в текстах Достоевского разных жанров, высказанные нами в [Ружицкий, 2024], при этом основное внимание уделяется структуре словарной статьи, лексикографическим параметрам, лежащим в основе ее построения.

Словарное представление модальных частиц и междометий в текстах Ф. М. Достоевского: структура словарной статьи

Создание словаря дискурсивных (грамматических) слов входило в первоначальные планы конструирования Словаря языка Достоевского, который предполагался как серия лексикографических изданий. Базовым словарем серии стал Идиоглоссарий (СЯД, 2008; 2010; 2012; 2017; 2021), описывающий характеризующие стиль Достоевского полнозначные лексеммы – идиоглоссы. На сегодняшний день издано пять томов Идиоглоссария, работу над шестым, последним, томом (буквы Т–Я) планируется завершить в 2025 г.

Модальные частицы и междометия составляют основную часть словаря дискурсивных слов, используемых Достоевским, о лексикографических параметрах, лежащих в основе их словарного описания, и пойдет речь ниже.

Любой словарь начинается с решения проблем, связанных с составлением словаря. Если конструируется словарь дискурсивных слов всех типов, встречающихся в текстах Достоевского в Полном собрании сочинений (далее – ПСС), то, полагаем, как и в Идиоглоссарии, словарь должен быть выборочным, что, однако, не относится к лексикографическому представлению модальных частиц и междометий. Для этих единиц словарь максимально полный, включающий не только отдельные лексеммы, но и их возможные комбинации, например, сочетания модальных частиц и междометий друг с другом, редупликации, фразеологические единицы и т. п., выполняющие междометную функцию, – *боже мой, о чёрт, ха-ха-ха, а ведь, но ведь, и ведь, так ведь, так-таки* и др. Инвективы, бранную лексику, целесообразно дать как приложение к словарю частиц и междометий (далее – СМЧМ). Всё это, конечно, сильно увеличивает объем работы, однако следует иметь в виду, что в СМЧМ будут охарактеризованы не все функции частиц и междометий, но только реализуемые в текстах ПСС, что, несомненно, существенно сократит количество лексикографических данных.

Словарь планируется как алфавитный, одновременно предполагается, что в дальнейшем на его материале будет создан словарь-тезаурус.

При разработке системы лексикографических параметров для СМЧиМ мы в значительной мере отталкиваемся от принципов, заложенных в Идио-гlossарии (см. (СЯД, 2021)), в котором лексикографические параметры включают в себя как обязательные, так и факультативные. И те и другие распределяются по трем разделам словарной статьи – корпус, лингвистический комментарий и примечания (к значению, к слову и к различным зонам комментария). Для СМЧиМ предполагается ввод следующих обязательных лексикографических параметров.

Корпус словарной статьи:

- вход с указанием общей частоты употребления описываемого слова, а также с показателями частоты употребления по жанрам: в произведениях художественной прозы, в публицистике и в личных письмах (частота употребления модальных частиц и междометий в деловой корреспонденции для СМЧиМ не является релевантным показателем):

ГМ <270: 256,11,3>

ВЕДЬ <5566: 3794, 1157, 615>

БА <54: 54,-,->

- дефиниция, основанная на выполняемой частицей или междометием функции, отражающая либо особенности пресуппозиции высказывания, в котором употребляется описываемое слово, либо связь с рефлексивным процессом, либо и то и другое:

ГМ

1. В ответной реплике диалога, когда говорящий сомневается в том, что он услышал, или заполняет паузу обдумывания. 2. В ответной реплике диалога, когда говорящий выражает свое согласие с собеседником, высказавшим мысль, которая самому говорящему не приходила в голову. 3. В монологе, часто во внутренней речи, когда человек осознал, понял что-л. или принял какое-л. решение, а также когда он сомневается в чем-л. 4. Употребляется как ироничная оценка кого-, чего-л. (подробнее о функционировании междометия *гм* в текстах Достоевского см. [Ружицкий, 2024])

-КА

1. *С глаг. в ф. имп.*: Употребляется в диалогической речи как предложение сделать что-л. или для снижения категоричности просьбы или приказа в том случае, когда статус участника диалога, в реплике которого используется *-ка*, выше, чем его собеседника, или когда их статус одина-

ковый. 2. *С глаг. в ф. 1 л. мн. ч. буд. вр.*: Употребляется с целью устранения категоричности побуждения к совместному действию. 3. *С глаг. в ф. 1 л. ед. ч. наст. вр.*: Чаще во внутренней речи в момент обращения к самому себе при принятии решения сделать что-л. 4. *После частицы ну*: При энергичном побуждении к действию.

Ни одна дефиниция не может отразить всех смысловых оттенков слова, тем более, если это касается дискурсивных единиц русской речи. В таких случаях используется примечание к значению, в котором комментируются эти смысловые оттенки. Например, в примечании к первому значению следует указать на то, что, когда статус нарушается, т. е. когда **-ка** появляется в речи человека, находящегося по статусу ниже, чем его собеседник, возникает оттенок фамильярности; отметить особенность значения в случае «прикрепления» **-ка** к словоформе **поди**: [Вася] *А у меня, **поди-ка** ты, в иной год, в хороший, даже семьсот [рублей] наберется <...>* (Ср 20); [Ростанев о журнале «Отечественные записки»] ***Поди-ка**, издай такой дилжанс!* (Ср 135) (здесь словоформа **поди-ка** выражает значение ‘представь, вообрази’ или ‘попробуй’, обычно с последующим глаголом в повелительном наклонении); словоформа **смотри-ка** может употребляться для выражения удивления: [Рассказчик Емельяну Ильичу] ***Смотри-ка**, в от-репье весь ходишь, шинелишка-то твоя, простительно сказать, на реше-то годится; нехорошо!* (ЧВ 86)

Примечания к значению при необходимости могут включать в себя пояснения относительно пунктуационного оформления описываемого слова, комментариев интонационного характера, позиции, занимаемой частицей или междометием в высказывании, а также по отношению к акцентированному слову, его ударность / безударность.

- требования к используемым в СМЧМ иллюстрациям остаются такими же, как в Идиоглоссарии (СЯД, 2021), – обязательная фиксация контекста первого употребления слова, распределение контекстов по жанрам и периодам творчества Достоевского, указание имени персонажа, которому принадлежит приведенное в качестве иллюстрации высказывание, или на то, что данное высказывание относится к авторской речи. Кроме того, иллюстрации должны подбираться с учетом типа речи, диалогической или монологической. Для отражения особенности пресуппозиции высказывания, в котором употребляется описываемое слово, контекст может быть расширен:

-КА

К третьему значению:

– Знаешь, – сказал он [Ростанев], вдруг обращаясь ко мне [Сереже], только что ушли мужики, и как-то сияя от радости, – любит мужичок доброе слово, да и подарочек не повредит. Подарю-**ка** я им что-нибудь, – а? как ты думаешь? (СС 36)

– Ступай ты [Аркадий] с ней! – велела она [Татьяна Павловна] мне, оставляя меня с Альфонсинкой, – и там умри, если надо, понимаешь? А я сейчас за тобой, а прежде махну-**ка** я к ней [Катерине Николаевне], авось застаю, потому что, как хочешь, а мне подозрительно! (Пд 441)

- употребление слова в составе имени собственного, обязательный параметр в Идиоглоссарии, для СМЧиМ не является актуальным, что же касается употребления модальной частицы или междометия в составе фразеологической единицы, то в некоторых случаях возникает необходимость фиксации их использования в качестве постоянных компонентов синтаксических фразеологизмов, а также в других типах устойчивых сочетаний (*вот так, так себе* и т. п.), например:

[Антон Антонович Голядкину о Голядкине-младшем] Что ж? он **чиновник как чиновник**; кажется, что деловой человек (Дв 150);

[М. М. Достоевскому] До сих пор я не знал, что значит оскорбленное самолюбие. <...> При 10-ти полных [баллов] я имел 9 1/2 средних, и остался... Но к чёрту всё это. **Терпеть так терпеть**... (Письма, т. 28.1, 53);

[А. Н. Майкову] Здесь [в Дрездене] к празднику все требуют уплаты, а я – ужась что должен! **Хоть** на улицу **выходи!** (Письма, т. 29.1, 80)

- как и в Идиоглоссарии, обязательным для СМЧиМ является наличие словоуказателя:

БА

Словоуказатель *В произведениях художественной прозы*: УО 358 (1) СА 12 (1) Иг 313 (1) ПН 68, 72, 72, 99, 99, 123, 174, 188, 188, 192, 213, 381, 394, 405, 409, 409, 409(17) Ид 26, 75, 124, 290, 300 (5) ВМ 84, 89, 93 (3) Бс 44, 44, 44, 50, 74, 90, 160, 163, 194, 263, 297, 331, 412, 465, 489 (15) Тх 8, 8 (2) Пд 49, 103, 150, 362 (4) БрК 78, 123, 143, 426, 504 (5) [54]

Словоуказатель в СМЧиМ, однако, имеет свою особенность – в нем приводится не только распределение общей частоты употребления по жанрам, но и, в круглых скобках, частота в каждом произведении художественной прозы, общая частота в текстах одного жанра дается в конце каждой рубрики в квадратных скобках.

Словоуказатель позволяет проследить тенденцию к использованию модальных частиц и междометий в разные периоды творчества Достоевского, а также степень насыщенности описываемым словом текста. Так, из примера выше очевидно, что междометие *ба* чаще всего (больше половины всех употреблений) встречается в «Преступлении и наказании» и «Бесах».

Помимо этих параметров корпуса, при составлении СМЧиМ мы также опираемся на систему лексикографических параметров комментария словарной статьи Идиоглоссария (последовательность зон комментария в СМЧиМ отличается от представленной в Идиоглоссарии, она в большей степени нацелена на отражение трехуровневой структуры языковой личности), из 16 зон которого для составления СМЧиМ в той или иной степени релевантны следующие:

- зона сочетаемости

В Идиоглоссарии выделяются три зоны сочетаемости – подчинительные связи, сочинительные связи и нестандартная сочетаемость описываемого слова, что, конечно, не актуально для модальных частиц и междометий. Тем не менее показать контактные связи этих дискурсивных единиц принципиально важно, например, для частицы *-ка* – с глаголами в форме императива:

бросьте ДС 340 будь БрК 83 взгляни Ид 31 взгляните Ид 138 возьми БрК 159 возьмите Кт 14 воротите СС 142 вспомни Дв 179 вспомни Хз 300 вспомните БЛ 107 БрК 297 выпейте ПН 265 <...> сходи УО 425 Пд 393 сходите Дв 148 уберите ВМ 47 узнайте БрК 162, 162 улепетьвайте Ид 416.

Отдельно в данной зоне комментария отмечаются индивидуально авторские сочетания, например *дошупывайтесь-ка* (Бс 96), *вона-ка*: [реплика прохожего с улицы] «Девчонку-то с парнишкой зловили ли? **Вона-ка**, ведут, старшенькая перехватила...» (ПН 332), а также на относительно частотное употребление *-ка* с другими частицами – *ну-ка*, *прослушайте-ка-с*.

- зона текстовых ассоциаций

Этот обязательный для Идиоглоссария лексикографический параметр для СМЧиМ имеет принципиальное значение, поскольку именно здесь в полной мере отражаются особенности пресуппозиции высказывания, в котором используется описываемое слово, или связь его употребления с рефлексивным процессом. Текстовые ассоциаты часто выявляются через анализ более широкого, чем для зоны сочетаемости, контекста, словоформы в данной зоне комментария, как правило, лемматизируются

и даются в алфавитном порядке без указания названия произведения. Например, для междометия **ба**:

а ведь, а мы и не подозревали, ах, вам-то зачем, вдруг, ведь, ведь и правда, вздрогнуть, вот, вот и, вот как, вскричать, гром, да, да ведь, да вон, да и, да и в самом деле, да неужели в самом деле думаете, да уж не с тем ли самым, да это уж не то ли, действительно, жениться, когда это успела, крикнуть, ли, могла разузнать, можете сообщить, нахмуриться, не знать, ого, опомниться, опять; остановился, озаренный идеей; подумать, пожалуй, понимать, последнее слово, прав, примечать, пятак уцелел, разве, с большим любопытством, следить, смешать, собираться, стало быть, та самая, так, -то, ты здесь, ударить себя ладонью по лбу, удивленный, уехать, ха-ха-ха, хотеть, хрустальный дворец, что ж, что я вижу, что-то слышать, это

- зона употребления в повторах и в параллельных конструкциях

В Идиооглоссарии повторы и параллелизмы представлены в примечаниях к зоне сочинительных связей ввиду особой значимости этого параметра для СМЧМ, в отдельных случаях отражающего то, что выше было названо «музыкальным настроением». Считаем целесообразным создание для него отдельной зоны комментария словарной статьи. Так, для частицы **-ка**:

[Настасья Петровна Мозглякову] Бросьте-**ка** шубу, подите-**ка** сюда <...>. (ДС 340); [Марья Александровна] Послушайте-**ка**, послушайте-**ка**! (ДС 340) [Растанев Сереже] Поди-**ка**, поговори-**ка** с ним [Видоплясовым] сам, попробуй <...> (СС 102); [Порфирий Петрович Раскольникову] Подумайте-**ка**, голубчик, помолитесь-**ка** богу (ПН 352).

Бывают случаи, когда повтор модальной частицы или междометия оказывается значимым в более широком, чем одна фраза, контексте. Так, в письмах Вареньки Доброселовой и Девушкина мы видим, что не просто многие предложения начинаются с междометия **ах** (вообще очень частотном у Достоевского и в высшей степени полифункциональном), но и многие абзацы.

- зона комментария словарной статьи, в которой фиксируются случаи комбинированного употребления описываемой лексемы в двух или нескольких значениях в пределах минимального контекста (одно или два предложения):

– Я промок, – сказал он [Ихменев] ей [Анне Андреевне], только что ступив в комнату, – пойду-**ка** <зн. 3> к себе, а ты, Ваня, тут посиди. Вот с ним история случилась, с квартирой; расскажи-**ка** ей <зн. 1> (VO 214).

- зона использования в одном контексте нескольких слов того же словообразовательного гнезда:

[Марья Александровна Афанасию Матвеевичу] <...> Ничего не говори, ни единого слова. Вот вся твоя обязанность, понимаешь? | – Ну, а если что-нибудь спросят? <...> | – В таком случае отвечай односложно, что-нибудь этакое, например «**гм!**» или что-нибудь такое же, чтоб показать, что ты умный человек и обдумываешь прежде, чем отвечаешь. | – **Гм.** | <...> Да ты не теперь гумкай, дурак! Ты мне-то отвечай. | <...> Князь чрезвычайно остроумен. Если что-нибудь он скажет хоть и не тебе, то ты на всё отвечай добродушной и веселой улыбкой, слышишь? | – **Гм.** | – Опять загумкал! Со мной не гумкать! Прямо и просто отвечай: слышишь или нет? | <...> Да ведь он подумает, что я немой, – проворчал Афанасий Матвееч. | – Велика важность! Пусть думает; зато скроешь, что ты дурак. | – **Гм...** (ДС 361–362)

- зона словообразовательного гнезда

В этой зоне комментария словарной статьи дается фрагмент словообразовательного гнезда, содержащий словообразовательную парадигму, вершиной которой является описываемая единица. Приводятся только члены словообразовательной парадигмы, представленные в текстах Достоевского, например:

[**ГМ**] [**гумкать**] гумкай ДС 361[1] гумкать ДС 361[1] гумкаю ДС 361[1]
гумкал Ид 273[1] [**загумкать**] загумкал ДС 361[1]

- зона употребления частицы или междометия в составе автономного высказывания

Под автономным употреблением слова подразумевается рефлексия над его значением, например, контексты, в которых автор соотносит свое понимание слова с общепринятым. Способами обозначения автономного употребления слова в тексте могут являться кавычки; курсив; слова, комментирующие значение (форму, этимологию и т. д.) употребленного слова; определенного рода синтаксические конструкции; расширенный эксплицирующий контекст и др., например:

[Петрушка, слуга Голядкина] И сапоги принесли. | [Голядкин] Болван! не можешь сказать принесли-с (Дв 111); – Николай Ильич Снегирев-с, русской пехоты бывший штабс-капитан-с, хоть и посрамленный своими пороками, но всё же штабс-капитан. Скорее бы надо сказать: штабс-капитан Словоерсов, а не Снегирев, ибо лишь со второй половины жизни стал говорить словоерсами. **Слово-ер-с** приобретает в унижении (БрК 182).

- зона употребления в составе высказывания афористического типа

Данный параметр комментария актуален прежде всего для описания частиц в их логико-модальной функции, например, для Достоевского характерно использование в качестве конструктивной единицы афоризма частицы **ведь**:

[Парадоксалист] А между тем я уверен, что человек от настоящего страдания, то есть от разрушения и хаоса, никогда не откажется. Страдание – да **ведь** это единственная причина сознания (ЗП 119); Танец – это **ведь** почти объяснение в любви (вспомните менуэт) <...> (Дневник писателя. Т. 22, 12).

- зона игрового и иронического употребления

В отличие от Идиоглоссария считаем целесообразным объединение этих двух зон комментария словарной статьи, соотносящихся с прагматическим уровнем языковой личности, в одну.

Ирония может создаваться, например, употреблением словоерса в контекстах, где нарушается его основная функция – показать почтение или уважение к собеседнику:

[Алена Ивановна, старуха процентщица] Вот-с, батюшка: коли по гривне в месяц с рубля, так за полтора рубля причтется с вас пятнадцать копеек, за месяц вперед-с. <...> Вот получите-с. | [Раскольников] Как! так уж теперь рубль пятнадцать копеек! | – Точно так-с (ПН 10).

Вряд ли Алена Ивановна испытывала к Раскольникову хоть какое-то уважение. То же мы встречаем во многих других ситуациях общения в романе «Преступление и наказание», наиболее, кстати сказать, насыщенного словоерсом (более 500 употреблений). Несомненно также, что словоерс у Достоевского служит средством стилизации речи представителей определенного слоя общества, в основном чиновников, слуг, лакеев и шутов, или используется с целью раскрытия образа персонажа, например:

[Перепелицына Ростаневу] Это оттого, что вы непочтительны-с. Это оттого, что вы эгоисты-с, оттого вы и оскорбляете маменьку-с; они к этому не привыкли-с. Они генеральши-с, а вы еще только полковники-с (СС 11).

В речи персонажей-шутов (Ежевикина, Фомы, Трусоцкого, Ф. П. Карамазова и др.) помимо словоерса мы также обязательно встретим частицу **-ка**:

– Да-с, – продолжал Ежевикин, – вот и родительница ваша убиваться изволят – понапрасну-с... Воротите-**ка-с**! А мы уж с Настей тем временем и в поход-с... (СС 142); [Трусоцкий] Развратился я с марта месяца, Алексей

Иванович, и вот как всё это произошло-с, прослушайте-ка-с. Чехотка, как вы сами знаете, милейший друг, – фамильярничал он всё больше и больше, – есть болезнь любопытная-с (ВМ 46).

Сказанное вовсе не означает, что словоерс у Достоевского используется только для создания иронии, основная его функция в произведениях писателя другая – отразить самоуничижение персонажа и привычку быть униженным, которая часто приводит к желанию унижить других. Эта функция словоерса, однако, должна быть отражена не в комментарии, а в корпусе соответствующей словарной статьи.

Такие лексикографические параметры словарной статьи СМЧМ, как сравнительная характеристика статистических данных, этимологическая справка (актуально, например, для частиц *ведь*, *мол*) и некоторые другие являются факультативными.

Заключение

Лексикографическая серия «Словарь языка Достоевского» невозможна без включения в нее словарного описания модальных частиц и междометий и – шире – дискурсивных единиц русской речи, частота употребления которых у Достоевского обусловлена вполне очевидными авторскими интенциями. Полагаем, что представленную в статье систему лексикографических параметров целесообразно взять за основу конструирования такого словаря.

Список литературы

Виноградов В. В. Эволюция русского натурализма: к морфологии натурального стиля (опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник») // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. С. 101–140.

Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 287 с.

Нечаева В. С. Ранний Достоевский, 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.

Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 47–157.

Ружицкий И. В. Любимые дискурсивные слова Достоевского: возможности лексикографического описания // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 2. С. 42–57.

Список источников и словарей

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. К. С. Горбачевич. М.: Рус. яз., 1991. Т. 1. 864 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

СЯД – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008. Т. 1 (А–В). 962 с.; 2010. Т. 2 (Г–З). 1049 с.; 2012. Т. 3 (И–М). 847 с.; 2017. Т. 4 (Н–По). 859 с.; 2021. Т. 5 (П–С). 1225 с.

СЯП – Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Гл. ред. акад. В. В. Виноградов. М.: Госиздат, 1956. Т. 1. 806 с.

References

Ivanchikova E. A. Sintaksis khudozhestvennoi prozy Dostoevskogo [Syntax of Dostoevsky's fiction]. Moscow, Nauka, 1979, 287 p. (in Russ.)

Nechaeva V. S. Rannii Dostoevsky, 1821–1849 [Early Dostoevsky, 1821–1849]. Moscow, Nauka, 1979, 288 p. (in Russ.)

Nietzsche F. Rozhdenie tragedii, ili ellinstvo i pessimizm [The Birth of tragedy, or hellenism and pessimism]. In: Nietzsche F. [Works]. In 2 vols. Moscow, Mysl', 1990, vol. 1, pp. 47–157. (in Russ.)

Ruzhitsky I. V. Lyubimye diskursivnye slova Dostoevskogo: vozmozhnosti leksikograficheskogo opisaniya [The favorite discursive words of Dostoevsky: possibilities of lexicographical description]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2024, vol. 26, no. 2, pp. 42–57. (in Russ.)

Vinogradov V. V. Evolyutsiya russkogo naturalizma: k morfologii natural'nogo stilya (opyt lingvisticheskogo analiza peterburgskoi poemy “Dvoinik”) [Evolution of Russian naturalism: Towards the morphology of natural style (an attempt at linguistic analysis of the St. Petersburg poem “The Double”)]. In: Vinogradov V. V. *Poetika russkoi literatury* [Poetics of the Russian literature]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 101–140. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

Dostoevsky F. M. Complete works]. In 30 vols. Leningrad, Nauka, 1972–1990. (in Russ.)

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [The Dictionary of the modern Russian literary language]. In 20 vols. Editor-in-Chief K. S. Gorbachevich. Moscow, Russkii yazyk, 1991, vol. 1, 864 p. (in Russ.)

Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossariy [Dictionary of Dostoevsky's language: Idioglossary]. Moscow, Azbukovnik, 2008 vol. 1 (A–V), 962 p.; 2010, vol. 2 (G–Z), 1049 p.; 2012, vol. 3 (I–M), 847 p.; 2017, vol. 4 (N–Po), 859 p.; 2021, vol. 5 (Po–S), 1225 p. (in Russ.)

Slovar' yazyka Pushkina [Dictionary of Pushkin's language]. In 4 vols. Editor-in-Chief academic V. V. Vinogradov. Moscow, Gosizdat, 1956, vol. 1, 806 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Игорь Васильевич Ружицкий, доктор филологических наук
RSCI Author ID 820760
SPIN 6340-2851

Information about the Author

Igor V. Ruzhitsky, Doctor of Sciences (Philology)
RSCI Author ID 820760
SPIN 6340-2851

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 14.01.2025
The article was submitted on 09.09.2024;
approved after reviewing on 14.01.2025; accepted for publication on 14.01.2025*